

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

ИЗЪВЛЧЕНІЕ ИЗЪ МНѢНІЙ ГГ. ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ЮНКЕРСКИХЪ УЧИЛИЩЪ (*).

Въ октябрьской книжкѣ „Педагогическаго Сборника“ за 1867 годъ мы неожиданно встрѣтили весьма странное замѣчаніе относительно безполезности строевыхъ офицеровъ, состоящихъ при юнкерскихъ училищахъ. Нельзя не подивиться той поспѣшности, съ какою г. Моршенъ, въ заключеніе своего мнѣнія „о преподаваніи тактики“, выразилъ, что неуспѣхъ юнкеровъ по наукамъ можно объяснить тѣмъ, что ближайшее училищное начальство не принимаетъ никакого участія въ дѣлѣ умственнаго образованія юнкеровъ. „Какъ бы ни читалъ преподаватель“—говоритъ онъ—„но если ближайшее училищное начальство не обратитъ вниманія на возбужденіе въ юнкерахъ желанія и любви къ занятіямъ и не будетъ къ этому содѣйствовать, то пользы мало.“

„Повтореніе и разъясненіе прочитаннаго юнкерамъ на лекціяхъ“, по мнѣнію автора, должно входить въ обязанность училищнаго начальства, т. е. строевыхъ офицеровъ юнкерскихъ училищъ. Но такъ какъ, при современномъ составѣ строевыхъ офицеровъ училищъ, мѣра, предлагаемая г. Моршеномъ, непримѣнима, то онъ совѣтуетъ назначеніе строевыхъ офицеровъ въ училища „обусловить выдержаніемъ экзамена передъ поступленіемъ въ училище“. Размѣры этого экза-

(*) „Педагогическій Сборникъ“, книга X, 1867 года.

мена указаны г. Гутѣвскимъ (*), который опредѣляетъ ихъ програмою юнкерскихъ училищъ.

Намъ кажется, что офицеры съ подобнымъ уровнемъ образованія принесутъ не пользу, а скорѣе вредъ, потому что будутъ поставлены въ весьма ложное положеніе. Если научныя занятія строевыхъ офицеровъ съ юнкерами ввести въ правило, назначая для этого особое время, и сдѣлать для офицеровъ обязательными, то педагогическая ихъ дѣятельность при ограниченномъ уровнѣ познаній, обусловленномъ „юнкерской программой“, можетъ только подорвать ихъ значеніе въ отношеніи прямой ихъ обязанности. Надобно помнить, что юнкера не воспитанники, что въ юнкерскихъ училищахъ молодые люди учатся и *служатъ*. Юнкерь, какъ лицо самостоятельное, также отвѣтственъ передъ закономъ, какъ и всякій служащій; съ него даже больше требуютъ, какъ съ будущаго офицера; потому-то въ понятіе ихъ и проводится та мысль *строгой подчиненности*, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность всякаго войска. Какой же способъ обращенія болѣе будетъ подходить къ этому принципу: формальныя ли отношенія при благоразумныхъ требованіяхъ, или же отношенія менторскія?

Приведу слова самого г. Моршена: „Юнкера большею частью только возрастомъ старше учениковъ военныхъ гимназій, а развитіемъ немногимъ. Ихъ нельзя приравнивать къ ученикамъ прочихъ открытыхъ заведеній; поступаютъ они въ училище, можно сказать, не по желанію (?), подготовка слабая и убѣжденій ни твердыхъ, ни положительныхъ, ни отрицательныхъ нѣтъ....“

Съ первымъ мнѣніемъ безусловно можно согласиться: дѣйствительно, возрастъ юнкеровъ по лѣтамъ совмѣщается между цифрами 17—33, и даже болѣе; что же касается до „твердыхъ убѣжденій“, то большинство ихъ совсѣмъ не имѣетъ, но за то имѣетъ слабости, которыя вошли въ плоть и кровь, что, по моему мнѣнію, хуже всякихъ убѣжденій и что не такъ легко искоренить, какъ это кажется; вообще же говоря, нельзя предположить въ лѣта юнкеровъ ребяческій или невинный образъ мыслей. При такихъ условіяхъ могутъ ли имѣть мѣсто воспитательныя отношенія между офицерами и юнкерами?

Трудно предположить, чтобы при этомъ могли быть употреблены тѣ же педагогическіе приемы, какіе примѣняются къ

(*) Тамъ же, стр. 343.

воспитанію дѣтей. Г. Моршенъ говоритъ: „Безъ твердыхъ убѣжденій и сознанія въ необходимости самообразованія, школьное ученіе не принесетъ благихъ результатовъ“, а потому и требуетъ, чтобы „училищное начальство“ возбуждало въ юнкерахъ „желаніе и любовь къ занятіямъ“. Это, по его мнѣнію, оправдывается нагляднымъ примѣромъ кадетскихъ корпусовъ: „и тамъ были дежурные офицеры и учителя не менѣе“; но вѣдь извѣстно, что и при такихъ условіяхъ корпуса не удовлетворяли своей задачи. Г. Моршенъ очевидно выбралъ неудачный намекъ, сравнивая корпуса съ юнкерскими училищами. Опытъ показалъ недостатки корпусовъ въ примѣненіи общихъ правилъ ко всѣмъ возрастамъ, и кадетскіе корпуса въ недавнее время преобразованы въ военныя гимназіи и въ военныя училища: первыя съ воспитательнымъ элементомъ, вторыя со служебнымъ.

Юнкерскія училища основаны по такой же системѣ, съ тою лишь разницею, что научныя свѣдѣнія, по малой предварительной подготовкѣ поступающихъ, передаются въ болѣе сжатомъ видѣ, но все-таки на столько удовлетворяютъ требованіямъ отъ армейскаго офицера, на сколько то нужно при его ограниченномъ кругѣ дѣятельности.

Если строго слѣдовать программѣ, которая прекрасно приоровлена къ потребностямъ армейскаго офицера, то времени весьма достаточно для того, чтобы осмысленно привить знаніе къ учащимся и безъ содѣйствія строевыхъ офицеровъ (*). Если же юнкера не успѣваютъ, то причина кроется не въ „училищномъ начальствѣ“, а прямо или въ неопытности преподавателей, или въ неправильномъ взглядѣ на степень преподаванія. Выборъ практическаго метода, указанный комисіею при учрежденіи юнкерскихъ училищъ, можетъ сразу уяснить цѣль изученія того или другаго предмета, а затѣмъ послѣдовательное изложеніе предмета въ наглядной формѣ вполне ознакомитъ юнкеровъ съ необходимыми свѣдѣніями, помимо всякаго внимательства строевыхъ офицеровъ училищъ.

Пріохотить юнкеровъ къ занятію опять-таки дѣло преподавателя; отъ него вполне зависитъ расположить слушателя къ внимательному наблюденію за чтеніемъ лекцій. На этомъ пути юнкеръ, прежде всего, сталкивается съ преподавателемъ

(*) На главные предметы шесть лекцій въ недѣлю, до 150 лекцій въ годъ.

и первое впечатлѣніе, вынесенное съ лекціи непременно отразится въ хорошую или въ дурную сторону. Не разъ приходилось быть свидѣтелемъ полного сочувствія юнкеровъ къ дѣльному и интересному чтенію лекціи.

Потребность знанія ощущается юнкерами весьма сильно: съ какою любовью они отзываются о хорошемъ преподавателѣ, съ такою же охотою занимаются его предметомъ, желая поправить ошибки прошлаго. Если же преподаватель не съумѣетъ вселить въ юнкеровъ потребность знанія, то строевой офицеръ и подавно: продежуривъ цѣлыя сутки не выходя изъ зданія училища, и послѣ смѣны пробывши два часа на учелѣи, слѣдовательно уставши нравственно и физически строевой, офицеръ едва-ли будетъ въ состояніи обратиться къ педагогической дѣятельности. Съ другой стороны, надобно имѣть въ виду, что преподаватели чѣмъ больше трудятся, тѣмъ болѣе получаютъ условное вознагражденіе: за каждую годовую лекцію отъ 35 до 50 рублей. Имѣя 15 лекцій, они получаютъ по меньшей мѣрѣ 550 рублей въ годъ, кромѣ жалованья по чину и столовыхъ по должности; офицеры же получаютъ 140 рублей столовыхъ и жалованье по чину.

Г. Моршентъ, повидимому, положительно отрицаетъ полезную дѣятельность строевыхъ офицеровъ, которая, по его мнѣнію, проявляется въ однихъ начальническихъ приемахъ, „т. е. въ отдаваніи приказаній, надзоръ за исполненіемъ ихъ и т. п.“ Хотя послѣднее не совсѣмъ вѣрно, потому что есть еще обязанности, которыя ускользнули отъ вниманія г. Моршента, но объ нихъ мы поговоримъ послѣ, а теперь обратимся къ обязанности строевыхъ офицеровъ по „отданію приказаній и надзору за исполненіемъ ихъ“.

Развѣ исполненіе отданныхъ приказаній составляетъ мало-важную обязанность военнослужащаго? Въ юнкерскихъ училищахъ эта обязанность еще настоятельнѣе для строеваго офицера. Имѣя въ виду составъ юнкеровъ по лѣтамъ и разнообразію понятій, не такъ легко услѣдить за сохраненіемъ во всей цѣлости отданныхъ приказаній, имѣющихъ органическую связь съ послѣдующей ихъ дѣятельностію. Надзоръ за исполненіемъ приказаній, вошедшихъ уже въ правило, составляетъ весьма важную обязанность училищнаго офицера; малѣйшее нарушеніе этой обязанности вызоветъ много упущеній и приведетъ къ молодымъ людямъ легкой взглядъ на служебную испол-

нительность вообще. Не лишнее, если офицеръ даже съ педагогическою точностію будетъ требовать отъ юнкеровъ исполненія существующихъ правилъ, внушая ихъ, если возможно, не страхомъ наказанія, а сознаниемъ необходимости служебнаго порядка и дисциплины. Само собою разумѣется, что самъ офицеръ долженъ служить во всемъ примѣромъ юнкерамъ; только тогда онъ найдетъ отголосокъ своимъ убѣжденіямъ въ массѣ юнкеровъ, которые съ этой стороны будутъ гораздо прихотливѣе, внимательнѣе и зорче нежели солдаты. О достоинствахъ офицеровъ говорить нечего: начальники училищъ поставлены такъ, что и безъ „юнкерскаго экзамена“ могутъ выбрать пригодныхъ къ этому лицъ. (Огкровенная рекомендація полковыхъ командировъ, личныя знакомства и т. п.). Если же и попадетъ въ училище офицеръ, неудовлетворяющій своему назначенію, то непрерывныя наблюденія начальниковъ скоро обнаружатъ его недостатки и не будетъ никакого затрудненія отправить такого офицера обратно въ полкъ; наконецъ и личный интересъ не допускаетъ начальниковъ училищъ держать офицера, дѣйствующаго во вредъ дисциплины и службы.

Не „юнкерскій экзаменъ“ служить гарантіей добросовѣстнаго исполненія долга; не одно механическое знаніе наукъ, входящихъ въ программу, обусловливаетъ годность офицера!

Перейдемъ теперь къ другимъ обязанностямъ офицеровъ при нынѣшнемъ направленіи юнкерскихъ училищъ. Помимо обязанностей, выраженныхъ г. Моршеномъ, есть еще и нѣкоторыя другія: обученіе строевой службѣ, куда входятъ всѣ занятія, относящіяся до строеваго офицера, и завѣдываніе полувзводами. Каждый офицеръ, имѣя до 30 человекъ въ своемъ отдѣленіи, обязанъ знать характеръ и образъ мыслей каждаго юнкера, въ чемъ онъ отдаетъ отчетъ начальнику училища при общемъ обсужденіи поведенія юнкеровъ. Нельзя же поверхностно высказать свое мнѣніе о какомъ-нибудь юнкерѣ съ хорошей или съ дурной стороны; вѣроятно для этого потребуются доказательства, которыя нужно представить и закрѣпить фактами. Если рѣчь идетъ о дурныхъ юнкерахъ, то офицеръ можетъ еще опереться на штрафной журналъ, заявивъ число и важность совершенныхъ юнкеромъ проступковъ; если же о хорошихъ, заслуживающихъ поощренія усердіемъ и честнымъ исполненіемъ долга службы, то недостаточно сказать: „да, онъ хорошъ“, ни

шлеса въ фамилярности или въ неумѣстномъ звыканіи, то все-таки за это не слѣдуетъ судить строго офицеровъ, имѣя въ виду, что всякое новое дѣло требуетъ изученія. А такъ какъ это изученіе производилось въ дѣйствительной обстановкѣ, то остается пожелать, чтобы внимательное наблюденіе надъ дѣятельностію офицеровъ укрѣпило болѣе правдивое мнѣніе.

Комаренъ.

Р. Чугуновъ.